

DOI: 10.31696/S086919080032393-9

ЛОЖНЫЙ ВЫБОР МЕЖДУ ПРОРОССИЙСКИМ И БЕЗЪЯДЕРНЫМ ИРАНОМ: ЗАЧЕМ РОССИИ БЕЗЪЯДЕРНЫЙ ИРАН¹

© 2024

А.Р. МАРГОЕВ ^a, А.А. ТОКАРЕВ ^b, Л.М. РАВАНДИ-ФАДАИ ^c^a – МГИМО МИД России, Москва, Россия,

ORCID: 0000-0002-3349-6941; a.margoev@inno.mgimo.ru

^b – МГИМО МИД России; НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-8196-0518; a.tokarev@inno.mgimo.ru

^c – Институт востоковедения РАН; НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7964-6335; ravandifadai@yahoo.com

Резюме: Настоящее исследование задумано как попытка доказать тезис: даже на фоне пророссийского внешнеполитического курса Ирана в интересах России сохранить его безъядерный статус. В предыдущей статье авторы разбирались в том, насколько пророссийским можно считать современный Иран и готовы ли Россия и Иран к стратегическому партнёрству. Во второй статье описаны пять сценариев вокруг иранской ядерной программы, которые могут комбинироваться друг с другом: переговоры по новому соглашению, дальнейшее наращивание санкций, выход Ирана из ДНЯО, военный конфликт и обретение Ираном ядерного оружия.

Первые два сценария отвечают российским интересам. Переговоры лишают противников Ирана стимула применить силу, а его – разработать надёжное средство защиты от агрессии. Умеренные санкции против Тегерана укрепляют его мотивацию сотрудничать с Москвой, но чрезмерные ограничения могут послужить спусковым крючком для оставшихся сценариев, чреватых непредсказуемыми последствиями. Выход Ирана из ДНЯО вынудит Москву соотнести противоречащие стимулы: поддержать режим ядерного нераспространения или сохранить отношения с южным соседом. Ядерное оружие в руках Тегерана не угрожало бы России, но увеличило бы риски его непреднамеренного применения и сделало бы Иран более трудным собеседником. А война в Иране дестабилизировала бы ситуацию сразу в трёх сопредельных регионах – на Южном Кавказе, Каспии и в Центральной Азии с последствиями для преимущественно мусульманских регионов России, особенно на Северном Кавказе.

Выбор между пророссийским и безъядерным Ираном ложный: российским интересам отвечает и комплементарная внешняя политика Тегерана, и отсутствие у него ядерного оружия. С ядерным Ираном России будет труднее договариваться и преодолевать разногласия во внешней политике, в зоне досягаемости иранских ракет придётся учитывать риски непреднамеренного использования ядерного оружия, а когда и если в Тегеране сменится форма правления – заново оценить угрозу с юга.

Ключевые слова: Россия, Иран, внешняя политика, стратегическое партнёрство, ядерная программа, нераспространение

Для цитирования: Маргоев А.Р., Токарев А.А., Раванди-Фадаи Л.М. Ложный выбор между пророссийским и безъядерным Ираном: зачем России безъядерный Иран. *Восток (Oriens)*. 2024. № 5. С. 70–82. DOI: 10.31696/S086919080032393-9

¹ Авторы благодарят студента МГИМО Арсения Наумчика за помощь в оформлении статьи.

FALSE CHOICE BETWEEN PRO-RUSSIAN AND NON-NUCLEAR IRAN:
WHY RUSSIA NEEDS NUCLEAR-FREE IRAN?© 2024 Adlan R. MARGOEV ^a, Alexey A. TOKAREV ^b, Lana M. RAVANDI-FADAI ^c^a – MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3349-6941; a.margoiev@inno.mgimo.ru

^b – MGIMO University; Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-8196-0518; a.tokarev@inno.mgimo.ru

^c – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7964-6335; ravandifadai@yahoo.com

Abstract: *This study is intended as an attempt to prove the thesis that despite Iran's pro-Russian foreign policy, it is in Russia's interests to maintain Iran's non-nuclear status. In the previous article, the authors examined to what extent modern Iran can be considered pro-Russian and whether their relationship qualifies for a strategic partnership. The second article describes five scenarios around Iran's nuclear program: a new agreement, tougher sanctions, withdrawal from the NPT, a military conflict, and Iran acquiring nuclear weapons. Negotiations deprive Iran's opponents of the incentive to use force, and Iran of developing a deterrent. Moderate sanctions strengthen Iran's motivation to cooperate with Moscow, but excessive restrictions can trigger the remaining scenarios, fraught with unpredictable consequences. Iran's withdrawal from the NPT would force Moscow to weigh conflicting incentives: to support the non-proliferation regime or to maintain friendly relations with Iran. Iranian nuclear weapons would not threaten Russia but increase the risks of their accidental use. A war in Iran would destabilize the situation in the South Caucasus, the Caspian Sea, and Central Asia, with consequences for the predominantly Muslim regions of Russia. The choice between a pro-Russian and a non-nuclear Iran is false: both a complementary foreign policy by Tehran and its lack of nuclear weapons are in Russia's interests. Russia will find it more difficult to negotiate with a nuclear Iran, have to consider the risks of an accidental use within the range of Iranian missiles, as well as reassess the threat if and when the form of government changes in Tehran.*

Keywords: Russia, Iran, foreign policy, strategic partnership, nuclear program, nonproliferation

For citation: Margoiev A.R., Tokarev A.A., Ravandi-Fadai L.M. False Choice Between Pro-Russian and Non-Nuclear Iran: Why Russia Needs Nuclear-Free Iran? *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 5. Pp. 70–82. DOI: 10.31696/S086919080032393-9

Настоящее исследование задумано как попытка доказать тезис: даже на фоне пророссийского внешнеполитического курса Ирана в интересах России сохранить его безъядерный статус.

В предыдущей статье [Маргоев и др., 2024] мы исследовали, насколько пророссийским можно считать современный Иран и готовы ли Москва и Тегеран к стратегическому партнёрству. Мы операционализировали российско-иранские отношения по 15 параметрам военного, политического и экономического сотрудничества, учли их историю и современный геополитический контекст. Во второй статье мы разбираемся в том, какие сценарии возможны вокруг иранской ядерной программы и как они могут отразиться на российских интересах.

СЦЕНАРИИ ВОКРУГ ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ

У кризиса вокруг иранской ядерной программы существует пять сценариев: переговоры по новому соглашению, дальнейшее наращивание санкций, выход Тегерана из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), военный конфликт и обретение Ираном ядерного оружия. Часть перечисленных сценариев может комбинироваться с другими: например, дальнейшее наращивание санкций – выход из ДНЯО – военный конфликт.

1. Переговоры

В 2015 г. пять постоянных членов Совета Безопасности ООН, Германия и Иран подписали Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по иранской ядерной программе. Президент Трамп вышел из него в 2018 г. При Джо Байдене прошли девять раундов переговоров, чтобы восстановить соглашение, но осенью 2022 г. Великобритания, Германия, Франция и США решили не продолжать переговоры. Причиной назвали то, что правительство Ирана подавило общенациональные протесты, а в конфликте на Украине обнаружили следы беспилотников иранского происхождения.

После гибели президента Эбрахима Раиси в 2024 г. в Иране прошли досрочные выборы. В новом правительстве для экс-министра иностранных дел Мохаммада Джавада Зарифа, который вёл переговоры по СВПД, создали пост вице-президента по стратегическим вопросам, а его заместитель Аббас Аракчи возглавил МИД. По словам последнего, СВПД уже не подлежит восстановлению в прежней форме, но сделка не мертва – потребуются переговоры по новому соглашению.

Если на американских президентских выборах победит Камала Харрис, есть шанс на новые договорённости с участием Ирана и США. Подтверждением тому служат консультации по снижению напряжённости на Ближнем Востоке, которые Тегеран и Вашингтон продолжили вести через Оман даже после гибели Раиси. Если же в Белый дом вернётся Дональд Трамп, то отдельному соглашению по ядерной программе республиканская администрация предпочтёт политику максимального давления и комплексных требований к Ирану. Такие требования были сформулированы в Государственном департаменте в 2018 г., когда США вышли из ядерного соглашения [*Secretary of State*, 2018]. Вероятно, новая администрация Трампа выдвинет аналогичные условия, и администрация Пезешкиана не сможет вступить в переговоры на их основе.

2. Санкции

В октябре 2025 г. истекает срок действия резолюции СБ ООН 2231, которая одобрила соглашение по иранской ядерной программе. Положения этой резолюции позволяют автоматически восстановить прежние антииранские санкции СБ ООН, если ядерная программа Ирана не соответствует условиям СВПД. И хотя администрация Трампа вышла из соглашения с Ираном по собственной инициативе, в 2020 г. она попыталась задействовать против него механизм восстановления санкций.

В тот момент другие участники соглашения не поддержали решение США, поскольку оно грозило новым кризисом. Однако спустя четыре года Великобритания, Германия и Франция допускают возвращение санкций, пока действует резолюция СБ ООН. В противном случае Совет Безопасности окончательно отменит все ограничения против Ирана в связи с его ядерной программой.

3. Выход из ДНЯО

Иранские официальные лица периодически напоминают, что в кризисной ситуации могут выйти из ДНЯО. В 2005 г. секретарь Высшего совета национальной безопасности Али Лариджани заявил, что Иран выйдет из ДНЯО, если с ним будут говорить на языке силы, требовать большего, чем написано в договоре или дополнительном протоколе к соглашению о гарантиях МАГАТЭ, или передадут ядерное досье в СБ ООН. Спустя девять дней Лариджани уточнил, что Иран не рассматривает выход из ДНЯО, если только западные страны не применят силу против его страны.

В 2018 г. секретарь Высшего совета национальной безопасности Али Шамхани допустил выход из ДНЯО, если США выйдут из СВПД. США вышли из соглашения спустя две недели. В 2020 г. в письме европейским участникам СВПД президент Хасан Роухани предупредил, что Тегеран выйдет из ДНЯО, если против Ирана восстановят санкции СБ ООН.

Создаётся впечатление, что красные линии Тегерана размыты и потому западные противники Ирана могут и дальше их игнорировать. Тем выше риск просчёта: наивно полагать, что давление на Иран может повышаться бесконечно, так и не вызвав обещанной реакции.

4. Война

Угроза прямого военного столкновения между Ираном и Израилем растёт на фоне конфликта в Газе. В апреле 2024 г. Израиль уничтожил здание иранского консульства в Дамаске, а в июле – политического лидера ХАМАС Исмаила Ханию во время визита в Тегеран. В Иране считают действия Израиля безнаказанными, но пытаются избежать новой войны в регионе – пропорциональный ответ может разжечь конфликт и втянуть другие страны [Khoshbāyand, 2024].

Поскольку объектами атак становятся не только стороны конфликта, но и американские военные базы, критически важно сохранять каналы коммуникации между Ираном и США. Не исключаем, что если в 2025 г. в Белом доме окажется республиканская администрация, в кризисных ситуациях она предпочтёт непубличным консультациям с Ираном силовые меры наподобие убийства генерала Касема Солеймани в 2020 г.

Обретение ядерного оружия

На август 2024 г. в Иране накоплено свыше 160 кг урана, обогащённого до 60%. При решении довести уровень обогащения до 90% объёма накопленного материала хватило бы почти на четыре ядерных взрывных устройства [Liechtenstein, 2024]. МАГАТЭ не фиксирует признаков того, что Иран скрывает ядерную деятельность. Однако советник верховного лидера, глава Стратегического совета по международным делам Камаль Харрази неоднократно намекал, что Иран будет вынужден пересмотреть отношение к ядерной программе, если существование страны окажется под угрозой.

ВОПРОСЫ ДЛЯ РОССИИ

Учитывая сближение России и Ирана, необходимо разобраться, как перечисленные сценарии могут отразиться на российских интересах.

1. Зачем Россия участвовала в переговорах по иранской ядерной программе даже после начала конфликта с западными странами на Украине?

Российские дипломаты больше 30 лет занимаются иранским ядерным досье. Россия и Иран подписали соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии в 1992 г. С тех пор американское давление с целью прекратить или минимизировать такое сотрудничество не прекращалось. Более того, когда в 2003 г. переговоры по иранской ядерной программе начала европейская тройка – Великобритания, Германия и Франция, Россия не только стала проводить параллельные консультации с Ираном, но и добилась того, чтобы к процессу подключились США и Китай.

Москва не отказывалась вести с западными странами переговоры по иранской ядерной программе ни после начала конфликта на Украине в 2014 г., ни после его перехода в полномасштабную фазу в 2022 г. Российские специалисты неоднократно находили концептуальные и технические решения. Например, предложили вести переговоры на основе принципа «поэтапности и взаимности» [Бацанов и др., 2020], а также установить такой объём и уровень обогащения урана, который на целый год отсрочит наработку урана оружейного качества, но позволит Тегерану сохранить программу обогащения урана. Затем представители Росатома активно участвовали в реализации ядерной сделки: в сжатые сроки вывозили излишки обогащённого урана, в обмен на вывезенные материалы поставляли российский уран природного происхождения, взяли на себя обязательство перепрофилировать обогатительный комплекс в Фордо в исследовательский центр для выпуска стабильных медицинских изотопов [Кучинов, 2017]. Работа была остановлена в 2019 г. из-за того, что иранская сторона начала на нём работы по обогащению урана.

В Иране нет однозначной оценки российского вклада в переговорный процесс и реализацию СВПД. Публично бывший министр иностранных дел Мохаммад Джавад Зариф благодарил Россию за важную роль в реализации СВПД, а в закрытом режиме перед уходом в отставку подверг критике за попытки сорвать переговоры. Другие участники переговоров выражают непротиворечивую оценку российской роли, в том числе при попытках восстановить СВПД. Постоянному представителю при международных организациях в Вене Михаилу Ульянову посвятили отдельный материал в *Foreign Policy*, назвав его ключевым посредником между Ираном и другими участниками процесса [Lynch, 2022].

Россия участвовала в переговорах, чтобы «не допустить резких движений со стороны некоторых государств, которые очень хотели бы пойти по пути силовых решений» [Евстафьев, 2012]. Поэтому с самого начала кризиса Москва взаимодействовала с Тегераном и в двустороннем, и в многостороннем форматах [Кисляк, 2005] и не считала необходимым менять свою позицию из-за охлаждения отношений с западными странами после 2014 г. [Стенограмма, 2015].

2. Выгодно ли России поддерживать санкции против Ирана?

В 2006 г. кризис вокруг иранской ядерной программы разгорелся с новой силой. Тегеран не проявил конструктивного подхода к российским дипломатическим усилиям и взял курс на активное развитие ядерной программы. В ответ Москва поддержала передачу иранского досье из МАГАТЭ в СБ ООН и последовавшие санкции.

По некоторым оценкам, требование к Ирану приостановить программу обогащения урана выглядело чрезмерным и неоправданным с точки зрения международного права [Пикаев, 2008]. Станным выглядел и факт поддержки четырёх санкционных резолюций СБ ООН против страны, с которой уже тогда Москва задумывалась о стратегическом партнёрстве [Орлов, Трушкин, 2011].

Россия смягчала принимаемые СБ ООН меры в координации с Китаем, но продолжала принимать санкционные резолюции против Ирана. Президент Дмитрий Медведев объяснял это тем, что санкции стимулируют переговорный процесс. Сочетание международных и

односторонних санкций сделало Иран сговорчивее [Иванов, 2012]. Однако, соглашаясь на последнюю санкционную резолюцию СБ ООН в 2010 г., Россия убедилась, что наращивание санкционного давления преследует цель сменить режим в Иране и усомнилась в целесообразности чрезмерных ограничений [Рябков, 2012].

В 2013 г., когда на переговорах с Ираном появилась перспектива достижения договорённостей, Москва оказалась перед дилеммой. Если с Тегерана снимут санкции, окрепнут его позиции на мировом нефтяном рынке. Одновременно с этим откроется возможность инвестировать в иранскую экономику, развивать сотрудничество в области мирного атома, предпринять крупные проекты в других областях и поставлять обычные вооружения без санкционных рисков. Но если Иран откроет западным инвесторам доступ к своей экономике, то «силы в иранском руководстве, заинтересованные в сближении с США, вряд ли вспомнят про Россию и сотрудничество с ней» [Орлов, 2003] и Россия не получит ожидаемых экономических выгод от поддержки ядерной сделки.

Вопреки соперничеству на нефтяном рынке Москва сделала ставку на снятие санкций с Тегерана. Важнее волатильных цен на нефть оказались долгосрочные интересы России: дипломатия отводила угрозу военного конфликта между Ираном и его противниками, устраняла стимул для Тегерана разрабатывать ядерное оружие как единственное надёжное средство защиты от агрессии, а также позволила бы России полноформатно развивать отношения с Ираном, пусть и в конкурентной среде [Saradzhyan, 2016].

Спустя два десятилетия эта дилемма встала с новой силой, поскольку Россия стала рекордсменом по количеству наложенных на неё санкций. Теперь сохранение антииранских санкций выглядит залогом роста двустороннего экономического взаимодействия [Сажин, 2023].

В марте 2022 г. Москва потребовала от Вашингтона гарантий, что после восстановления СВПД российско-иранское сотрудничество не попадёт под американские санкции. У обозревателей возникли сомнения в том, что в противном случае Россия продолжит поддерживать переговоры по иранской ядерной программе. Однако Москва не стала защищать собственные экономические интересы ценой подрыва переговорного процесса.

«Как ни парадоксально, – отмечает академик Виталий Наумкин, – Россия, декларируя приверженность СВПД, в случае заключения “ядерной сделки” между США и Ираном с последующим снятием санкций рискует столкнуться с более сдержанной позицией Тегерана по Украине... и снижением его кооперабельности в целом» [Наумкин, 2022, с. 14–25].

Казалось бы, в сложившихся условиях России тактически выгодно, чтобы Иран оставался под санкциями: они не только облегчают конкуренцию на нефтяном рынке, но и поддерживают заинтересованность Ирана в сотрудничестве с Россией, устраняя соперничество с западными странами. Вместе с тем, недальновидно и опасно строить стратегическое партнёрство на основе шаткой политической конъюнктуры [Иванов, 2014]. Больше, чем Иран, временно и вынужденно сотрудничающий с Россией, российским интересам отвечает Иран, свободный от угрозы войны и стимулов создать ядерное оружие, а также убеждённый в том, что Россия подлинно заинтересована в его стабильном развитии. Только на этой основе возможно устойчивое, долгосрочное развитие сотрудничества между двумя соседями.

3. Как военный конфликт между Ираном и его вероятными противниками может отразиться на российских интересах?

До того, как Россия и Иран – на фоне конфликта на Украине – обнаружили себя по одну сторону баррикад на мировой арене, в российской дискуссии о военных сценариях вокруг иранской ядерной программы можно было встретить разные оценки. В 2011 г. их резюми-

ровали в издании *Russia Confidential*: «Циники в российском политическом истеблишменте убеждены, что американское или израильское вторжение в Иран будет России только на пользу: цены на нефть неизбежно вырастут, а Соединенные Штаты завязнут на еще одном театре военных действий. Для России нынешняя ситуация вокруг Ирана вообще-то выгодна в любом случае: ни мира, ни войны; Россия активно вовлечена в переговорный процесс и тем самым повышает ставки в двустороннем диалоге с США, куда для нее более значим, чем Иран. А вот крайности – как война, так и примирение заклятых врагов – Ирана и США – могут российским интересам нанести весомый ущерб» [Орлов, Трушкин, 2011].

Однако доминирующий взгляд на эту проблему перед началом третьего президентского срока в 2012 г. изложил Владимир Путин в программной статье для «Российской газеты»: «Сейчас в фокусе всеобщего внимания – Иран. Несомненно, Россию тревожит нарастающая угроза военного удара по этой стране. Если это произойдет, то последствия будут поистине катастрофическими. Их реальный масштаб представить невозможно. Убежден, решать проблему нужно только мирным путем... Запад слишком увлекся “наказанием” отдельных стран. Чуть что – хватается за санкционную, а то и за военную дубину» [Путин, 2012].

В случае вооруженного конфликта в Иране российские специалисты отмечали риски дестабилизации обстановки сразу в нескольких регионах – в Закавказье и на российском Северном Кавказе [Евсеев, Сажин, 2009, с. 126], в Прикаспии и Центральной Азии: от «предсказуемой реакции мусульманского мира, в том числе и внутри России» [Арбатов, 2007] до «проблемы потенциальных потоков беженцев, спасающихся на российской территории от войны» [Тройной кризис, 2007].

Учитывая выход России и Ирана на уровень всеобъемлющего стратегического партнёрства, России придётся заступиться за Иран в его потенциальном конфликте с региональными и внерегиональными противниками. Дипломатической поддержки будет недостаточно, но невозможно рассчитать заранее, каких ресурсов потребует от России «второй фронт» на Ближнем Востоке при продолжающемся конфликте в Сирии. Поэтому в интересах Москвы избежать такого сценария.

4. Что Москве важнее: дружба с Тегераном или ДНЯО?

В частных беседах иранские эксперты – что в 2003 г. на заре кризиса вокруг ядерной программы [Винников, Орлов, 2005], что в 2023 г. – «прощупывают почву» на предмет того, как бы повела себя Москва, выйдя Тегеран из ДНЯО. В таком сценарии Россия оказалась бы перед дилеммой: сохранить доброжелательные отношения с Ираном или предпринять меры в поддержку режима ядерного нераспространения?

Если Россия как депозитарий ДНЯО и гарант его соблюдения позволит СБ ООН принять санкции против Ирана, то вместе с враждебными себе США, Великобританией и Францией выступит против своего стратегического партнёра. А признав выход Тегерана из договора мотивированным, Москва подаст пример другим государствам, что если они «дружны» с одним из постоянных членов СБ ООН, то можно применить их руками право вето и избежать международных санкций. И раз СБ ООН расколот, то под протекцией США и другие государства, в том числе недружественные России, могут без обременительных последствий получить ядерное оружие. Подходящими кандидатами могли бы стать Южная Корея и Япония [*Новая ядерная девятка*, 2023].

Если Иран выйдет из ДНЯО, России также придётся определить свою позицию относительно поставок топлива для первого энергоблока Бушеровской АЭС, строительства второго и третьего энергоблоков, а также поддержания научно-исследовательских проектов в области мирного атома – например, по линии Курчатовского института. Один из возможных ва-

риантов – настоять на том, чтобы Иран сохранил под гарантиями МАГАТЭ все установки и материалы, которые были частью мирной программы до выхода из договора [*У ядерного порога*, 2007, с. 95].

В описываемом сценарии Россия не будет принимать решение в одиночку. Если раньше Москва сверяла часы по тематике ядерного нераспространения с США как ещё одной сверхдержавой и гарантом ДНЯО, а также другими членами «Группы восьми», то в последние годы наблюдается координация между Москвой и Пекином, а также внутри БРИКС и ШОС. Выход из ДНЯО Тегерана, полноправного участника этих структур, стал бы для их участников общим вызовом.

С тех пор, как иранское досье было передано из МАГАТЭ в СБ ООН в 2006 г., Россия и Китай сообща взвешивали свои стимулы: подчинить иранскую ядерную программу воле и авторитету СБ ООН или продвигать свои региональные и экономические интересы на иранском направлении [Пикаев, 2008]. Опасаясь того, что в случае эскалации Иран выйдет из ДНЯО и полностью прекратит сотрудничество с МАГАТЭ, Москва и Пекин стремились не загонять Тегеран в угол. «Но для такой тактики есть предел, и он наступит, когда станет абсолютно ясно, что дело подходит к реальному производству бомбы, – предупреждал в 2007 г. востоковед Георгий Мирский. – Как будут себя вести Москва и Пекин, непонятно» [Тройной кризис, 2007].

В каждом из двух сценариев – поддержать решение Тегерана или незыблемость ДНЯО – есть выгоды и издержки для России. Её интересам отвечают и добрососедские отношения с Ираном, и крепкий договор, который служит барьером для распространения ядерного оружия. Но в российской внешнеполитической практике есть модель сохранения отношений с государством, покинувшим ДНЯО.

Заклучив в 2024 г. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве с КНДР, Россия продемонстрировала прагматичный подход к внешней политике. Если появилась возможность наладить взаимовыгодное сотрудничество с соседом, зачем его жертвовать ради недостижимой цели разоружить и вернуть Северную Корею в ДНЯО? Допускаем, что если бы Тегеран объявил о выходе из ДНЯО в нынешних условиях, то в Москве учли бы аналогичные соображения. С той лишь разницей, что при отсутствии произведённого ядерного взрывного устройства был бы шанс повернуть события вспять.

5. Если Иран разработает ядерное оружие, будет ли оно угрожать безопасности России?

Появись у Ирана ядерное оружие, Россия не находилась бы с ним в отношениях взаимного ядерного сдерживания, как и с Китаем, Индией, Пакистаном, Израилем и КНДР. Более того, согласно новому российско-северокорейскому договору, стороны обязуются оказать друг другу военную помощь.

Вместе с тем, если в Москве и привыкли к соседству с ядерной Северной Кореей [Орлов, 2012], на Дальнем Востоке иначе оценивают риски. В 2016 г. «после информации об испытаниях водородной бомбы спикер Законодательного собрания Приморского края Виктор Горчаков заявил, что вне зависимости от помыслов руководства КНДР, “учитывая нашу географическую близость, мы можем быть объектом пострадавшим”» [Непредсказуемый сосед, 2016].

По аналогии с этим примером ядерное оружие в руках Ирана создавало бы дополнительные риски для безопасности России. Напомним, что от северных городов страны иранские ракеты могут долетать до Тулы. И пока Тегеран развивает ракетную программу без ядерного компонента, она «не представляет никакой угрозы для международной безопасности и имеет исключительно региональное измерение» [Бужинский, 2016]. Но при появлении в

Иране ядерного оружия в России будут вынуждены учитывать риски его случайного или непреднамеренного применения для всех регионов в зоне досягаемости иранских средств доставки [Лата, Хлопков, 2003].

Помимо безопасности российской территории и граждан в зоне досягаемости иранских средств доставки важно оценить и политические последствия такого сценария. Начиная с Ближнего Востока, Южного Кавказа, Центральной Азии и заканчивая российским Северным Кавказом, у Ирана есть ресурсы вести внешнюю политику вразрез с российскими интересами – они пересекаются с иранскими в гораздо большем числе вопросов, чем с северокорейскими. С ядерным Ираном договариваться о взаимоприемлемых условиях взаимодействия в сопредельных регионах может оказаться сложнее [Тройной кризис, 2007; Сажин, 2014].

Более того, ставить политические отношения с пороговыми странами выше интересов нераспространения – недальновидно и контрпродуктивно. По словам академика Алексея Арбатова, «режимы меняются, изменяются отношения с ними великих держав, даже сами великие державы и их интересы подвержены трансформации. А ядерные программы, технологии и амбиции стран, как правило, остаются, и то, что казалось безопасным прежде, может стать угрозой в будущем» [У ядерного порога, 2007, с. 168–169].

б. Если Иран разработает ядерное оружие, при каких обстоятельствах он может его применить?

В октябре 2005 г., выступая на конференции «Мир без сионизма» вскоре после инаугурации, президент Махмуд Ахмадинежад метафорично призвал «стереть Израиль с карты мира». Находившийся с визитом в Тель-Авиве министр иностранных дел России Сергей Лавров назвал такие высказывания неприемлемыми. Антиизраильская риторика подпитывала подозрения, что если Тегеран разработает ядерное оружие, то у него будет стимул применить его против Израиля. Негативный новостной фон играл на руку сторонникам силового решения иранской ядерной проблемы.

В российской экспертной дискуссии доминировало представление, что «иранцам не на кого сбрасывать ядерную бомбу», поскольку вокруг и на территории Израиля живут арабы-мусульмане. Примени Тегеран ядерное оружие – «последствия такой чудовищной акции были бы для Ирана катастрофическими». Поэтому ядерное оружие могло бы рассматриваться как средство устрашения противника и обретения статуса на мировой арене [Тройной кризис, 2007].

С тем, что даже в период президентства «ястреба» Махмуда Ахмадинежада Тегеран «не рассматривал вопрос о применении силы, не говоря уже о ядерном оружии, для уничтожения еврейского государства», соглашался экс-глава МИД России: «Публичные же заявления на этот счёт – часть кампании для утверждения Ирана в качестве региональной державы и в качестве лидера исламского мира. Для этого очень удобно использовать этот лозунг» [Иванов, 2012].

В литературе встречается точка зрения, что потенциальный паритет ядерных потенциалов Израиля и Ирана мог бы установить между ними отношения наподобие того, что в российско-американском контексте называют стратегической стабильностью [Waltz, 2012, р. 2–5; Орлов, 2012]. Но, чтобы у Тегерана и Тель-Авива отпал стимул нанести ядерный удар первым, потребовались бы и другие условия: развитые системы предупреждения о ракетном нападении, достаточное время в кризисных ситуациях для принятия решений, каналы прямой связи между военно-политическим истеблишментом противников, чтобы исключить ошибочную трактовку политических сигналов, а также достаточный потенциал для ответного ядерного удара [Evron, 2008].

Таким образом, даже при наличии ядерного оружия Иран не ставил бы целью применить его против Израиля – его главная задача была бы в устрашении противников и повышении статуса Ирана на мировой арене. Однако при эскалации конфликтов, задевающих интересы двух региональных ядерных держав, умножился бы риск непреднамеренного или случайного применения ядерного оружия.

7. Повлечёт ли появление у Ирана ядерного оружия его дальнейшее распространение в регионе?

Российские эксперты расходятся в оценках, когда комментируют риск распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке. Одни фокусируются на мотивации, другие – на технических возможностях.

Появись ядерное оружие у Тегерана, заполучить такое захотят и в других столицах стран Ближнего Востока, считают первые. В 2010 г. этот аргумент озвучил заместитель секретаря Совета безопасности России Владимир Назаров: «Перспективу обретения Ираном ядерного оружия Россия считает неприемлемой. Это имело бы для региона и мира в целом тяжелые последствия. Возникнет эффект домино – другие страны региона предпримут все усилия, чтобы обрести ядерное оружие. На этой почве возможны новые кризисы и конфликты» [Военный удар, 2010].

Первой в списке претендентов на статус ядерной державы называют Саудовскую Аравию. «Напротив, через залив – другая страна, которая вроде бы не пороговая, но может немедленно ею стать. Это Саудовская Аравия. В случае, если Иран продвинется в создании ядерного оружия, КСА немедленно станет не только пороговой, но и ядерной страной. И никто её не удержит. При своих материальных возможностях они могут сделать это достаточно быстро», – делился в 2012 г. бывший начальник отдела нераспространения СВР Геннадий Евстафьев [Евстафьев, 2012]. Готовность последовать примеру Ирана подтвердил в 2023 г. наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед ибн Салман.

Среди других кандидатов в «ядерный клуб» называют Турцию и Египет [Арбатов, 2012]. Но ни у одной из упомянутых стран нет необходимой инфраструктуры, и без внешней помощи они не сумеют её создать в обозримой перспективе. Появление у Ирана ядерного оружия могло бы повлиять на мотивацию его соперников, но не привести к появлению новых ядерных держав на Ближнем Востоке. Чтобы сработал эффект домино, будущей ядерной державе необходим ещё и адекватный технологический задел.

* * *

Вокруг иранской ядерной программы просматриваются пять сценариев, которые могут комбинироваться друг с другом: (1) переговоры по новому соглашению, (2) дальнейшее наращивание санкций, (3) выход Ирана из ДНЯО, (4) военный конфликт и (5) обретение Ираном ядерного оружия.

Первые два сценария отвечают российским интересам. Если переговоры ведутся не для прикрытия истинных целей и затягивания времени, то они лишают противников Ирана стимула применить силу, а его – разработать надёжное средство защиты от агрессии. Умеренные санкции против Тегерана укрепляют его мотивацию сотрудничать с Москвой, но чрезмерные ограничения могут послужить спусковым крючком для трёх других сценариев.

Выход Ирана из ДНЯО, разработка им ядерного оружия и прямой военный конфликт с его участием чреваты непредсказуемыми последствиями для России. В первом случае Москве пришлось бы соотнести противоречащие стимулы: поддержать режим ядерного нераспространения, созданный ею же в интересах национальной и глобальной безопасности, или сохранить отношения с южным соседом. Ядерное оружие в руках Тегерана пусть и не угрожало бы России, но увеличило бы риски его непреднамеренного применения и сделало

бы Иран более трудным собеседником. А война в Иране дестабилизировала бы ситуацию сразу в трёх сопредельных регионах – Южном Кавказе, Каспии и Центральной Азии с последствиями для преимущественно мусульманских регионов России, особенно на Северном Кавказе.

Выбор между пророссийским и безъядерным Ираном ложный: российским интересам отвечает и комплементарная внешняя политика Тегерана, и отсутствие в его руках ядерного оружия. С ядерным Ираном России будет труднее договариваться и преодолевать разногласия во внешней политике, в зоне досягаемости иранских ракет придётся учитывать риски непреднамеренного использования ядерного оружия, а когда и если в Тегеране сменится форма правления – заново оценить угрозу с юга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арбатов А.Г. Иранский ядерный узел. *Современная Европа*. 2007. № 1. С. 24–36 [Arbatov A.G. Iran's Nuclear Knot. *Contemporary Europe*. 2007. No. 1. Pp. 24–36 (in Russian)].

Арбатов. А. Г. Ползучий кризис. *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 8. С. 11–12 [Arbatov A.G. Creeping Crisis. *Asia and Africa today*. 2012. No. 8. Pp. 11–12 (in Russian)].

Бацанов С.Б., Хлопков А.В., Чернавских В.Д. Восстановление действенности СВПД: принципы и подходы. Взгляд из России. *Россия в глобальной политике*. 07.12.2020 [Batsanov S.B., Khlopkov A.V., Chernavskikh V.D. Restoring the Effectiveness of the JCPOA: Principles and Approaches. A View from Russia. *Russia in Global Affairs*. 07.12.2020 (in Russian)]. <https://globalaffairs.ru/articles/vosstanovlenie-svpd/> (accessed: 10.09.2023).

Бужинский Е.П. (Не)реалистичные угрозы? К вопросу о ракетных программах КНДР и Ирана. *Russia Confidential*. 2016. № 3. С. 1–7 [Buzhinskiy E.P. (Un)realistic Threats? DPRK's and Iran's Missile Programs. *Russia Confidential*. 2016. No. 3. Pp. 1–7 (in Russian)].

Винников А.А., Орлов В.А. Между Бушем и Бушером. *Россия в глобальной политике*. 2005. № 2. С. 128–142 [Vinnikov A.A., Orlov V.A. Between Bush and Bushehr. *Russia in Global Affairs*. 2005. No. 2. Pp. 128–142 (in Russian)].

Военный удар по Ирану стал бы огромной ошибкой. *Интерфакс*. 14.02.2010 [A Military Strike on Iran Would Be a Huge Mistake. *Interfax*. 14.02.2010 (in Russian)]. <https://www.interfax.ru/interview/123602> (accessed: 10.09.2023).

Евсеев В.В., Сажин В.И. *Иран, уран и ракеты*. М.: Институт Ближнего Востока, 2009 [Evseev V.V., Sazhin V.I. *Iran, Uranium, and Missiles*. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka, 2009 (in Russian)].

Евстафьев Г.М. Ядерное оружие практически исчерпало себя как политическое средство. *Индекс Безопасности*. 2012. Т. 18. № 1. С. 31–36 [Evstafiev G.M. Nuclear Weapons Have Outlived their Usefulness as a Political Instrument. *Security Index*. 2012. Vol. 18. No. 1. Pp. 31–36 (in Russian)].

Иванов И.С. Иранская ядерная программа: позиция России. *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 8. С. 15–16 [Ivanov I.S. Iranian Nuclear Program: Position of Russia. *Asia and Africa today*. 2012. No. 8. Pp. 15–16 (in Russian)].

Иванов И.С. Иран не откажется от развития ядерной энергетики. *Российская газета*. 15.07.2014 [Iran will Not Refuse to Develop Nuclear Energy. *Rossiyskaya Gazeta* (= *The Russian Newspaper*). 15.07.2014 (in Russian)]. <https://rg.ru/2014/07/16/iran.html> (accessed: 13.09.2024).

Кисляк С.И. Иран: ситуация стало понятнее, но не все вопросы сняты. *Ядерный Контроль*. 2005. Т. 11. № 2. С. 9–15 [Kislyak S.I. Iran: The Situation Has Become Clearer, but not All Issues Have Been Resolved. *Yaderny Kontrol* (= *Nuclear Control*). 2005. Vol. 11. No. 2. Pp. 9–15 (in Russian)].

Кучинов В.П. Выступление на секционном заседании 3 «СВПД и развитие сотрудничества с Ираном в области мирного использования атомной энергии» Московской конференции по нераспространению–2017. *Центр энергетики и безопасности*. 2017 [Kuchinov V.P. Speech at Breakout Session 3 “The JCPOA and Development of Cooperation with Iran in the Peaceful Uses of Atomic Energy” of the Moscow Nonproliferation Conference–2017. *Center for Energy and Security*. 2017 (in Russian)]. <http://ceness-russia.org/rus/conf2017/materials/2063/> (accessed: 10.09.2023).

Лата В.Ф., Хлопков А.В. Иран: ракетно-ядерная загадка для России. *Ядерный Контроль*. 2003. Т. 9. № 2. С. 39–56 [Lata V.F., Khlopkov A.V. Iran: A Nuclear Missile Mystery for Russia. *Yaderny Kontrol* (= *Nuclear Control*). 2003. Vol. 9. No. 2. Pp. 39–56 (in Russian)].

Маргоев А.Р., Токарев А.А., Раванди-Фадаи Л.М. Ложный выбор между пророссийским и безъядерным Ираном: существует ли стратегическое партнёрство. *Восток (Oriens)*. 2024. № 4. С. 89–101 [Margoiev A.R., Tokarev A.A., Ravandi-Fadai L.M. False Choice Between Pro-Russian and Non-Nuclear Iran: Is There a Strategic Partnership? *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 4. Pp. 89–101 (in Russian)].

Наумкин В.В. Новые моменты в ближневосточной политике Соединённых Штатов Америки. *Проблемы национальной стратегии*. 2022. № 5. С. 14–25 [Naumkin V.V. New Aspects of the U.S. Policy toward the Middle East. *National Strategy Issues*. 2022. No. 5. Pp. 14–25 (in Russian)].

Непредсказуемый сосед Приморья настроился на ядерную войну. *Primamedia*. 11.03.2016 [The Unpredictable Neighbour of Primorye Is Ready for a Nuclear War. *Primamedia*. 11.03.2016 (in Russian)]. <https://primamedia.ru/news/494176/> (accessed: 13.09.2024).

Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире. Доклад. Под ред. В.А. Орлова, С.Д. Семенова. М.: Весь Мир, 2023 [A New Nuclear Nine? Assessing The Threats of Nuclear Proliferation in the World. Report. V.A. Orlov, S.D. Semenov (eds.) 2nd ed. Moscow: Ves Mir, 2023 (in Russian)].

Орлов В.А. Пациент в реанимации. *Россия в международной политике*. 02.09.2003 [Orlov V.A. Patient in Coma? *Russia in Global Affairs*. 02.09.2003 (in Russian)]. <https://globalaffairs.ru/articles/pacient-v-reanimaczii/> (accessed: 14.09.2024).

Орлов В.А. Лабиринт, которого нет. *Россия в глобальной политике*. 2012. № 1. С. 54–67 [Orlov V.A. A Labyrinth with No Walls. *Russia in Global Affairs*. 2012. No. 1. Pp. 54–67 (in Russian)].

Орлов В.А., Трушкин И. В. Иранская ядерная программа. Дилеммы для России. *Russia Confidential*. 2011. Т. 1. № 2. С. 1–5 [Orlov V.A., Trushkin I.V. The Iranian Nuclear Program: Dilemmas Facing Russia. *Russia Confidential*. 2011. Vol. 1. No. 2. Pp. 1–5 (in Russian)].

Пикаев А.А. Иранский ядерный пазл. *Международная жизнь*. 2008. № 11. С. 67–82 [Pikaev A.A. The Iranian Nuclear Puzzle. *International Affairs*. 2008. No. 11. Pp. 67–82 (in Russian)].

Путин В.В. Безопасность в мире можно обеспечить только вместе с Россией. *Российская газета*. 26.02.2012 [Putin V.V. Security in the World Can Only Be Ensured Together With Russia. *Rossiyskaya Gazeta* (= *The Russian Newspaper*). 26.02.2012 (in Russian)]. <https://rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html> (accessed: 24.09.2024).

Рябков С.А. Санкции против Ирана: ресурс исчерпан. *Индекс Безопасности*. 2012. Т. 18. № 1. С. 17–24 [Ryabkov S.A. Further Sanctions Against Iran are Pointless. *Security Index*. 2012. Vol. 18. No. 1. Pp. 17–24 (in Russian)].

Сажин В.И. Иранская ядерная программа и угроза регионального вооруженного конфликта. *Ислам на Ближнем и Среднем Востоке*. 2014. № 8. С. 457–467 [Sazhin V.I. The Iranian Nuclear Program and the Threat of Regional Armed Conflict. *Islam in the Near and Middle East*. 2014. No. 8. Pp. 457–467 (in Russian)].

Сажин В.И. Судьба СВПД «висит на волоске» – конец истории? *Международная жизнь*. 24.01.2023 [Sazhin V.I. The Fate of the JCPOA “Hangs in the Balance” – the End of History? *International Affairs*. 24.01.2023 (in Russian)]. <https://interaffairs.ru/news/show/38685> (accessed: 10.09.2023).

Стенограмма заседания в Центре энергетики и безопасности с участием заместителя Министра иностранных дел России С.А. Рябкова по теме: «Венские договоренности по иранской ядерной программе: роль России и перспективы реализации», Москва, 14 августа 2015 года. *МИД России*. 20.08.2015 [Transcript of the Meeting at the Center for Energy and Security Studies with the participation of the Deputy Minister of Foreign Affairs on the topic: «Vienna Agreement on the Iran Nuclear Program: Russia's role and prospects for implementation», Moscow, August 14, 2015. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 20.08.2015 (in Russian)]. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1513299/ (accessed: 14.09.2024).

Тройной кризис на Большом Ближнем Востоке. *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 4. С. 92–104 [Triple Crisis in Greater Middle East. *World Economy and International Relations*. 2007. No. 4. Pp. 92–104 (in Russian)].

У ядерного порога: уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения. Под ред. А.Г. Арбатова. М.: Московский центр Карнеги; РОССПЭН, 2007 [At the Nuclear

Threshold. The Lessons of North Korean and Iranian Crises for the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. A.G. Arbatov (ed.) Moscow: Carnegie Moscow Centre; ROSSPEN, 2007 (in Russian)].

Evron Y. Chapter 3: An Israel-Iran Balance of Nuclear Deterrence: Seeds of Instability. *Israel and a Nuclear Iran: Implications for Arms Control, Deterrence, and Defense.* E. Kam (ed.) Tel Aviv: Institute for National Security Studies, 2008. Pp. 47–64.

Khoshāyand H. Zarurat-e Pāsokhguyi-ye Qate', Sanjide va Monāseb-e Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān be Rejim-e Sehyunisti. *Shoura'e Rābordi-ye Ravābet-e Khāreji.* 12.08.2024 [Khoshayand H. The Necessity for Decisive, Deliberated and Appropriate Response of the Islamic Republic of Iran to the Zionist Regime. *Strategic Council for Foreign Relations.* 12.08.2024 (in Persian)]. <https://www.scfr.ir/fa/?p=300157> (accessed: 16.09.2024).

Liechtenstein S. Iran has Further Increased Its Stockpile of Uranium Enriched to Near Weapons-grade Levels, UN Says. *AP News.* 29.08.2024. <https://apnews.com/article/iran-nuclear-iaea-enriched-uranium-stockpile-9c86e5788a8bb45eab1337d5f6c10121> (accessed: 14.09.2024).

Lynch C. The Iran Nuclear Talks' Breakout Player. *Foreign Policy.* 26.01.2022. <https://foreignpolicy.com/2022/01/26/russia-iran-nuclear-negotiator/> (accessed: 10.09.2023).

Saradzhyan S. Why Russia Values a Non-Nuclear Iran More Than Higher Oil Prices. *The Bulletin of the Atomic Scientists.* 11.08.2016. <https://thebulletin.org/2016/08/why-russia-values-a-non-nuclear-iran-more-than-higher-oil-prices/> (accessed: 10.09.2023).

Secretary of State Mike Pompeo After the Deal: A New Iran Strategy. *U.S. Embassy & Consulates in Russia.* 22.05.2018. <https://ru.usembassy.gov/secretary-of-state-mike-pompeo-after-the-deal-a-new-iran-strategy/> (accessed: 14.09.2024).

Waltz K.N. Why Iran Should Get the Bomb: Nuclear Balancing Would Mean Stability. *Foreign Affairs.* 2012. Vol. 91. No. 4. Pp. 2–5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МАРГОЕВ Адлан Рамзанович – научный сотрудник Института международных исследований, преподаватель кафедры востоковедения МГИМО, Москва, Россия.

Adlan R. MARGOEV, Research Fellow, Institute for International Studies; Lecturer, Department of Asia and Africa Studies, MGIMO University, Moscow, Russia.

ТОКАРЕВ Алексей Александрович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, главный научный сотрудник проектно-учебной лаборатории «Молодёжная политика» НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Alexey A. TOKAREV, DSc (Political Science), Leading Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University; Chief Research Fellow, Youth Policy Laboratory, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

РАВАНДИ-ФАДАИ Лана Меджидовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, ведущий научный сотрудник Научно-учебной лаборатории комплексного изучения Ирана, доцент НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Lana M. RAVANDI-FADAI, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia., Moscow, Russia.